

М.Г. Степанов

Сталинская репрессивная политика в СССР (1928–1953 гг.): взгляд советской историографии

Проблематика сталинских политических репрессий в СССР не является «белым пятном» в новейшей историографии. Современные отечественные исследователи внесли значительный вклад в анализ данных явлений [1]. Однако большинство авторов не ставили перед собой задачу изучения репрессий в СССР в историографическом плане. Особо следует отметить необходимость в проведении историографических исследований проблемы сталинских политических репрессий в советской исторической науке.

Целью данной статьи является выяснение степени разработанности проблемы сталинских политических репрессий (1928–1953 гг.) в публикациях советских историков.

Под репрессиями в широком смысле понимается наказание, карательная мера, применяемая государственными органами. В отличие от государственного терроризма репрессии носят в большей степени инструментальный, чем демонстративный характер. С точки зрения направленности, репрессии всегда консервативны, т.е. нацелены на защиту и сохранение существующего строя [2, с. 54–55].

Любые репрессии являются проявлением политического насилия. В типологии политического насилия у Ю. Гальтунга само насилие разделяется на два больших типа: прямое и структурное. Прямое насилие имеет не только точный адресат, но и ясно определяемый источник насилия. Структурное же насилие как бы встроено в социальную систему: «...людей не просто убивают с помощью прямого насилия, но также их убивает социальный строй» [2, с. 31].

В современном российском законодательстве под «политическими репрессиями» признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам: в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку и на спецпоселение, привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшиеся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами [3, ст. 1428].

По своей природе политические репрессии являются порождением неправового государства, служат неправовым целям и являются составляющим компонентом «закрытого общества» любого тоталитарного политического режима. Выступая в качестве инструмента текущей политики, они регулируются исключительно интересами правящего режима и могут быть внезапно востребованы и так же внезапно отменены.

Исторические исследования, посвященные изучению проблем советской истории эпохи сталинизма, в настоящее время весьма обширны. Можно констатировать, что в отечественной историографии относительно проблем изучения сталинизма, в том числе и репрессивной политики, исследователями выделяются два этапа: первый этап (советский) характеризовался рамками с 1930-х гг. до начала 1990-х гг.; второй этап (постсоветский, современный) ограничивался рамками с 1991 г. по настоящее время. На наш взгляд, такая периодизация представляется довольно упрощенной, так как в период становления российской государственности историкам представлялось вполне целесообразным дифференцирование истории XX в. на две эпохи, где стержневым критерием являлся распад СССР и формирование на его базе современного Российского государства. На сегодняшний день существует определенная потребность отстраниться от устоявшихся принципов периодизации, а историографическую базу, посвященную изучению истории сталинских политических репрессий, необходимо расширить и детализировать в силу динамичности исторического процесса и связанного с ним творческого мышления исследователей. В этой связи нам представляется вполне оправданным выделить в советской историографии несколько периодов, которые позволят более детально, взвешенно и объективно подойти к рассмотрению вопросов, касающихся политики репрессий сталинизма. Важно обратить внимание на то, что комплекс исследований проблемы в рамках каждого из выделенных нами периодов отличается некоторой спецификой. К числу таких специфических характеристик относятся: круг рассматриваемых в исследовании вопросов, характер и степень полноты освещения проблемы, насыщенность и разнообразие источниковой базы и т.д. Однако следует отметить, что некоторые исследователи могут придерживаться взглядов, не совпадающих с общепринятыми. В связи с этим едва ли не каждая периодизация несет в себе

черты условности и деление на историографические периоды. Проведенное нами исследование не является в данном случае исключением.

В первом периоде советского этапа историографии (1930-е – середина 1950-х гг.) историографические работы по проблеме носили крайне ограниченный характер по причине жесткой политической цензуры [4]. В целом этот период может быть охарактеризован как «теория заговоров», которые беспрестанно «раскрывали» советские карательные органы. Публикации рассматриваемого периода носили идеологически-официальный характер. Практически во всех работах исследователей того времени красной нитью отмечалась мысль о великих заслугах И.В. Сталина, его гениальности, счастливой жизни советских граждан в СССР. Ярким тому подтверждением стал «Краткий курс истории ВКП(б)», изданный с октября 1938 г. по октябрь 1952 г. общим тиражом 40 млн экземпляров на русском и других языках народов СССР, который по сути должен был компенсировать отсутствие в 1930–1940-е гг. научных исследований по истории советского общества. В историографических работах 1940-х – начала 1950-х гг. «Краткий курс» был охарактеризован как «блестящий синтез развитых товарищем Сталиным исторических идей» [5, с. 638].

Одним словом, в «Кратком курсе» была изложена целостная концепция истории советского общества с 1917 по 1938 г. Кроме того, «Краткий курс» определил методологический подход, на основе которого историки должны были изучать историю советского общества. Руководство большевистской партии – главный фактор успешного осуществления плана построения социализма.

Роль руководителя «своего класса» партия смогла выполнить, потому что овладела «передовой теорией рабочего движения» – марксистско-ленинской теорией. Эта теория «дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем» [6, с. 339].

Основываясь на идеологических постулатах о классовой борьбе, сопротивлении свергнутых сил и необходимости их подавления, в «Кратком курсе» давалось полное оправдание политическим действиям правящего режима. В соответствии с этим подходом репрессии против различных социальных элементов рассматривались в качестве закономерной и необходимой меры в интересах народа и строительства социализма в СССР, т.е. репрессии со стороны советской власти были «продуктом» чрезвычайной обстановки [6].

Анализируя развитие сталинской исторической науки, Г.А. Герасименко пишет следующее: «...задача историков заключалась в том, что они должны были

подтверждать основные постулаты “Краткого курса” конкретными примерами. Таким образом, советское общество должно было выступать в работах советских историков объектом, а не субъектом исторического развития...»

Историки оказались в положении людей, которым связали руки: им установили границы познания, ограничили доступ к архивам и поставили их деятельность под строжайший административный контроль. Положение, в которое они попадали, не имело аналогов в прошлом...

К концу 1930-х гг. Сталин окончательно подмял советскую историческую науку и поставил ее на службу правящей верхушке.

Технология подготовки исторического сочинения была такой. В первую очередь принимались во внимание решения съездов партии и пленумов ЦК ВКП(б), постановления ЦК и СНК, подбирались цитаты классиков марксизма-ленинизма, и прежде всего Сталина...» [7, с. 654, 660, 662].

Одним словом, советская историческая наука под руководством И.В. Сталина смогла выстроить достаточно логичную цепь доказательств необходимости уничтожения так называемых буржуазных классов. Согласно этой логике СССР был экономически и культурно отсталой в сравнении с развитыми капиталистическими державами страной. Он находился в капиталистическом окружении, поэтому угроза новой иностранной военной интервенции с целью реставрации буржуазно-помещичьего строя сохранялась. Единственной надежной гарантией сохранения целостности и независимости СССР могло стать превентивное уничтожение остатков «буржуазных элементов». Следовательно, репрессии, если исходить из концепции «Краткого курса», являются жизненной необходимостью.

Представления о государстве как орудии насилия разделяли и известные в то время идеологи большевизма. Н.И. Бухарин в работе «Теория пролетарской диктатуры» рассматривал данную диктатуру как «форму власти, наиболее резко выражающую классово-репрессивный характер этой власти» [8, с. 130]. Помимо этого, хорошо известно бухаринское мнение о том, что «пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человеческого материала капиталистической эпохи» [9, с. 139].

Вместе с тем в это время появлялись и такие работы, в которых предпринималась попытка дать обобщенное представление не только о характере политической власти в стране в целом, но и о личности И.В. Сталина в частности. Они носили резко критический характер по отношению к власти в стране. Данные произведения связывает одна существенная

особенность – они издавались за рубежом из-за жесткой политической цензуры в СССР.

Альтернативной точкой зрения следует назвать работы Л.Д. Троцкого, который массовые политические репрессии в Советском Союзе объяснял тем, что И.В. Сталин являлся «предателем дела революции», узурпатором власти в стране, стремившимся уничтожить верных соратников по партии и последователей В.И. Ленина. Л.Д. Троцкий обвинял в организации репрессий в стране только «вождя народов» [10].

В общем можно говорить о том, что вопросы, касающиеся репрессий в стране, оставались закрытой темой для всех исследователей рассматриваемого периода в силу идеологических и политических факторов.

Второй период (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) советской историографии характеризуется сложными и неоднозначными событиями, обусловленными смертью И.В. Сталина и периодом правления Н.С. Хрущева.

По теме репрессий в СССР историко-политическая мысль 1930-х – первой половины 1950-х гг. была представлена двумя основными направлениями: официально-доктринальным и критическим.

В 1950-е гг. после смерти И.В. Сталина в стране начался процесс частичной трансформации государства. Позитивные перемены охватили тогда практически все сферы общественной жизни. Государственной властью были сделаны шаги в ликвидации последствий репрессивного террора сталинского режима, в частичном восстановлении законности и правопорядка. К примеру, в тезисах отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и института Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПСС «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903–1953)» говорилось: «Культ личности противоречит принципу коллективного руководства, ведет к снижению творческой активности партийных масс и советского народа и не имеет ничего общего с марксистско-ленинским пониманием высокого значения направляющей деятельности руководящих органов и руководящих деятелей...» [11].

Данное заявление провозгласило начало процесса десталинизации как в стране, так и в партийном руководстве. Характерной чертой публикаций рассматриваемого периода истории явился перенос всей степени тяжести вины за развязывание политических репрессий на личность И.В. Сталина, что, конечно, не отражало объективных тенденций демократизации советского руководства и общества в целом.

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором Н.С. Хрущев озвучил доклад «О культуре личности и его последствиях». В докладе он осудил практику массовых репрессий в СССР, датировал их начало 1934 г., тем самым из числа преступлений сталинского режима исключались «раскулачивание»

и депортации крестьянских хозяйств, политические репрессии начала 1930-х гг. Одним словом, это была попытка вывести И.В. Сталина из контекста «правильной» большевистской политики. С этого времени в политическом поведении И.В. Сталина и тех, кто действовал вместе с ним, стали выделять отдельные негативные моменты, тогда как политика партии в целом признавалась правомерной и отвечающей ленинским идеологическим принципам [12, с. 19–67].

Возложение вины за развязывание репрессий только на И.В. Сталина и его ближайшее окружение в рассматриваемый период объяснялось тем, что Н.С. Хрущев стремился исключить свою причастность к политическому террору, умело используя расстрельные списки в аппаратной борьбе [13, с. 38–39]. Отсюда критика сталинизма не обрела широкого размаха, а была заключена в рамки государственной идеологизации. Достоверная информация о политических репрессиях по-прежнему была строго дозированной и преподносилась советскому обществу с санкции высшего партийно-государственного руководства страны [14].

Незамедлительная реакция на решения XX съезда КПСС последовала со стороны исторической науки. В 1960 г. в период «хрущевской оттепели» М.В. Нечкина высказала свое мнение об итогах изучения истории советского общества. К тому же следует сказать, что именно статья М.В. Нечкиной «О периодизации истории советской исторической науки» положила начало дискуссии о периодизации истории советской исторической науки. Аргументируя свою периодизацию, она, в частности, отметила, что для 1934–1956 гг. характерно «отставание исторической науки от задач современности, ошибки, связанные с культом личности. К этим ошибкам, имевшим тяжелые последствия, относится, например, сильная заторможенность в исследовании советского общества... недостаточное внимание к роли народных масс, гипертрофия интереса к отдельным избранным историческим личностям». В 1953–1956 гг. «советская историческая наука под руководством Коммунистической партии ...начинает преодоление ошибок, связанных с культом личности. Она борется за планомерное и глубокое изучение советского периода, за углубленное освоение ленинского наследия, за дальнейшее изучение роли народа как творца истории» [15, с. 83–89]. Однако далее санкционированного «сверху», формального «разоблачения» культа личности в то время дело не могло пойти.

Специалист по проблеме развития советской исторической науки в период «хрущевской оттепели» Л.А. Сидорова обратила внимание на то, что среди характерных черт десятилетия «оттепели» можно выделить, во-первых, отказ от сталинского прочтения истории и стремление к ее переосмыслению на основе оценок и методологического инструментария, содержащихся в ленинских работах; во-вторых, включение

в научный оборот больших документальных массивов [16, с. 3–4].

Критика культа личности Сталина и его последствий произвела тот необходимый взрыв в общественном сознании, которому и была обязана своим возникновением постановка вопроса о свободе исследовательской деятельности, вернее, о расширении рамок, ограничивавших эту свободу [16, с. 218].

В начале 1960-х гг. Ю.С. Борисов, делая обзор состояния и некоторых задач изучения истории социалистического и коммунистического строительства, подтвердил точку зрения М.В. Нечкиной о состоянии советской исторической науки, отметил, что комплексное исследование истории советского общества еще не развернуто [17, с. 264]. Тем более не могла быть поставлена в тот период проблема сталинских политических репрессий.

В марте 1960 г. на сессии Совета по истории социалистического и коммунистического строительства Института истории АН СССР был обсужден вопрос о состоянии советской историографии. В этой сессии приняли участие М.П. Ким, М.В. Нечкина, Г.Н. Голиков, В.П. Данилов, Ц.А. Степанян и др. Позицию большинства участников дискуссии выразил М.П. Ким, который в своем докладе подчеркнул, что «понятие «история социалистического и коммунистического строительства в СССР», в сущности, совпадает с понятием «история советского общества», так как главным содержанием истории советского общества является строительство социализма и коммунизма» [18, с. 10]. При этом он признал: «...в результате в изучении и освещении истории советского общества у нас образовалось немало “белых пятен”, “забытых тем”» [18, с. 11–12].

Работы зарубежных авторов, которые первыми приступили к исследованию политических репрессий в СССР, надолго определили ключевые подходы и оценки, а также исследовательские направления в области изучения проблемы. Зарубежная историография практически до начала 1990-х гг. представляла собой своеобразный период «изучения России без России». Условно эту литературу можно разделить на две основные группы.

Первая представлена главным образом историками и политологами, исследования которых посвящены изучению советской политической системы и как ее части – карательной политики. Принципиальные подходы в изучении феномена сталинизма формировались под влиянием работ Ханны Арендт [19], а также Р. Арона, Ф. Хайека, Л. Шапиро, К. Фридриха, З. Бжезинского [20–24]. Эти авторы основывали свои исследования на принципах теории тоталитаризма, т.е. исходили из того, что имеют дело с политическим режимом монолитного типа, легитимность которого исходит из идеологии. Государство рассматривалось как сверхмощное орудие абсолютного контроля за

раздробленным обществом, превратившимся в покорную массу вследствие тотальной идеологической обработки и постоянного повседневного террора, осуществляемого вездесущей политической полицией.

Вторую группу составляют специальные работы, посвященные советским политическим репрессиям, например исследование Р. Конквеста [25]. Он выделил несколько существенных черт сталинской политики репрессий, которые составляют ее историческую уникальность. Р. Конквест проанализировал период острой политической борьбы, который предшествовал массовому террору в стране. Автор также вскрыл истинные цели многих секретных операций против инакомыслящих в партии, исследовал скрытые стороны показательных судебных процессов, воспроизвел психологическую атмосферу того времени.

Кроме того, среди работ зарубежных авторов важно отметить монографию Л. де Йонга «Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне», изданную в Чикаго в 1956 г. и опубликованную в СССР в 1958 г., в которой автор впервые выделил проблему депортации, показал несостоятельность обвинений российских немцев в шпионаже и терроризме. В работе рассматриваются процесс ужесточения отношения к немецкому населению в СССР, применение суровых карательных мер. Л. де Йонг описывает картину переселения, ее масштабы, те чрезвычайные меры, которые проводились советскими органами при переселении. Исследователь в своей работе объяснил отсутствие «пятой колонны» среди советских немцев их полной изоляцией от нацистской Германии. Он не учитывал влияние коммунистической идеологии или страха перед карательными органами. Причины депортации автор ограничил условиями внешней политики [26].

Однако все же следует отметить публицистический налет в работах зарубежных авторов, которые, несмотря на научную добросовестность в поисках доступных источников, не могли по известным причинам использовать документы советских архивов.

В целом документы и материалы рассматриваемого историографического периода по-прежнему не отражали сути, методов и отношения научной общественности к такому «белому пятну» советской исторической науки, как политические репрессии 1928–1953 гг.

Третий период советской историографии охватывает середину 1960-х – середину 1980-х гг. В это время советская историческая наука по-прежнему открыто и полно проблему сталинских политических репрессий не освещала. Данное обстоятельство объясняется особенностью государственной политики высшего партийно-государственного руководства, возглавляемого Л.И. Брежневым.

В середине 1960-х – середине 1980-х гг. официальная печать продолжала отражать интересы руко-

водства государства, признавая деятельность КПСС удовлетворительной. Так, в многотомной «Истории КПСС» подтверждалось, что к 1937 г. в стране был построен социализм [27].

Касаясь вопроса политических репрессий 1928–1953 гг., «История КПСС» обращала внимание общественности на то, что массовые чистки в стране были обусловлены исторической необходимостью. Их главной целью было «...оградить партию большевиков от проникновения в ее ряды людей, недостойных высокого звания коммуниста» [28, с. 15]. При этом официально были признаны «издержки», сопровождавшие политику сталинских репрессий. Авторы «Истории КПСС» соглашались с тем, что «...некоторые репрессии были необоснованны. В ряде случаев страдали безвинные люди» [29, с. 509]. Однако такое признание носило лишь частный характер и не было развито официальной исторической наукой.

Касаясь проблемы вины за развязывание террора, официальная печать доказывала то, что вся вина за массовые репрессии лежит на И.В. Сталине. В вину «вождю народов» ставились факты, которые свидетельствовали о том, что «...у него слово расходилось с делом» [29, с. 509], «большой вред принесла формула Сталина о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет обостряться» [29, с. 510].

Одним словом, советской исторической наукой того периода выдвигалось утверждение, свидетельствовавшее о том, что массовые чистки были вынужденным, временным явлением, призванным сформировать социальную базу в деле воспитания нового, советского общества.

В середине 1960-х – середине 1980-х гг. в стране имела место ограниченная критика личности И.В. Сталина. Некоторые советские историки стремились в своих работах показать негативную роль сложившегося в период правления И.В. Сталина культа личности и его отрицательное влияние на дальнейшее политическое развитие советской страны.

К примеру, не касаясь предметно вопроса о репрессиях, журнал «Коммунист» на своих страницах выказал уверенность в том, что проблемы и сложности социально-политической и экономической жизни советской страны были напрямую связаны с личностью И.В. Сталина, с его политическими воззрениями и поступками [30].

В рассматриваемый период самое непосредственное отношение к практике политического террора в отношении граждан СССР имел второй том работы С.П. Трапезникова «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос» [31]. В этой работе в обоснование политических репрессий возрождались оценки, аргументация и лексика «Краткого курса». Автор отметил, что наиболее острой классовой борьба была на Северном Кавказе, а значит, без ликвидации кулачества как класса никак не могли обойтись [31, с. 143, 167–178]. Наряду

с этим, в рассматриваемый историографический период увидели свет альтернативные официальному направлению советской исторической науки произведения А.И. Солженицына [32], Ю. Домбровского [33], повествовавшие о политическом и правовом произволе, имевшим место в сталинское время. А.И. Солженицын крайне негативно осудил советскую репрессивную политику, показал трагедию народа, пострадавшего от незаконных политических репрессий. Кроме того, А.И. Солженицын охарактеризовал свой опыт в качестве жертвы политического террора в СССР.

Следует сказать, что в силу политической цензуры, имевшей место в Советском Союзе, эти и другие авторы вынуждены были публиковать свои произведения за границей. Тем самым в обществе продолжал иметь место разрыв в публикации материалов. Государство активно стимулировало всемерную поддержку официальной идеологии и замалчивало произведения тех авторов, которые раскрывали перед широкой общественностью негативные стороны советской истории. Появление такого рода работ по проблемам сталинских репрессий в рамках так называемого застоя без преувеличения можно назвать прорывом либеральной идеи в общественном и государственном масштабе.

Подводя итог анализу историографической традиции периода середины 1960-х – середины 1980-х гг., можно отметить ограниченность исторической мысли рамками официальной идеологии. Наличие доктринальных установок брежневского руководства, реанимация некоторых элементов сталинского социализма не позволяли открыто и широко говорить в стране о проблемах сталинских политических репрессий. В то же время публикации представителей русской эмиграции за рубежом наглядно демонстрировали проблему кризиса правящей власти в СССР.

Четвертый период развития советской историографии начинается с середины 1980-х гг. Он был связан с политическими преобразованиями М.С. Горбачева и имел место вплоть до событий августа 1991 г. и последовавшего за ним распада СССР. Приход к власти М.С. Горбачева в 1985 г. привел к ускоряющейся трансформации во всех сферах советского государства и общества. Новый генеральный секретарь ЦК КПСС и его ближайшее окружение повели политику, направленную на формирование социализма с «человеческим лицом» [34, с. 24]. В этой связи началась кампания критики той модели социально-экономического и политического развития, которая была создана в 1930-е гг. усилиями центрального партийного аппарата и прежде всего И.В. Сталина [34, с. 39].

В «перестроечной» историографии тема сталинских политических репрессий становится самостоятельным объектом изучения. Однако во многом в этот период для нее характерен обличительный и эмоциональный пафос оценки репрессивной политики

в СССР. Это объясняется тем, что помимо профессиональных историков, анализом проблемы занимались публицисты, журналисты и другие не-специалисты. При рассмотрении историографии второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. проблемы политических репрессий периода сталинской диктатуры можно выделить два основных подхода.

Первый подход сводится к утверждению, что массовые репрессии явились отступлением И.В. Сталина и его ближайшего окружения от принципов построения социализма, провозглашенных В.И. Лениным.

Данный подход оформился в работах Д.А. Волкогонова, Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, О.Р. Лациса [35–37]. Так, Д.А. Волкогонов считает, что отход от ленинизма у И.В. Сталина выразился в несвоевременном использовании методов террора периода Гражданской войны, их механическое перенесение в то время, когда уже не было тех, против кого их можно было применять. Исследователь считает, что «репрессировались прежде всего те люди, которые понимали буквально указание Ленина о том, что нет другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу. Эти люди не хотели питаться суррогатами сталинского толкования ленинизма. Остальные попадали в жернова репрессий попутно, по касательной. Одни работали под началом «врагов народа», другие их вовремя не разоблачили, третьи пособничали им в чем-то, о чем они даже сами не догадывались» [35, с. 484]. Отсюда главную направленность репрессий Д.А. Волкогонов видит в уничтожении, кроме личных врагов Сталина, истинных приверженцев ленинизма среди функционеров партии и государства.

Л.А. Гордон и Э.В. Клопов понимают под направленностью репрессий уничтожение самой среды, где могла зародиться оппозиция формирующемуся режиму, которая была представлена: «Во-первых, категориями, оппозиционными советской власти, во-вторых, поддерживающими досталинские советские политические порядки... Репрессии превратились в неотъемлемый элемент поддержания деспотического режима, стали «подсистемой страха в государстве». Репрессии, проводившиеся в предвоенное и послевоенное время, помимо того, что они представляли собой незаконное злодеяние, были злодеянием, совершенно ненужным ни для создания современной промышленности, ни для победы в войне» [36, с. 195].

Второй подход представляет собой направление в отечественной историографии, которое сформировалось под влиянием западных исследований советского общества периода сталинизма. К представителям данного направления можно отнести А.С. Ципко,

И.В. Бестужева-Ладу, В.С. Измозика, А.Н. Яковлева [38–41]. Эти исследователи придерживаются точки зрения, в соответствии с которой массовые репрессии были вызваны самой сущностью советского государства с его направленностью на террор и насильственные методы решения стоящих перед страной вопросов.

Так, А.С. Ципко отмечает, что террор сталинщины нельзя обосновать, так же, как нельзя обосновать предшествовавший ему террор во время Гражданской войны. Террор, по мнению А.С. Ципко, – это всегда безумие, срыв плотины, сдерживающей зверя в человеке. Мораль не может быть функцией революции. Напротив, революция оправдана только тогда, когда она продолжение морали, служит защите ее интересов, интересов гуманизма, человечности [38, с. 44].

И.В. Бестужев-Лада считает репрессии периода сталинизма самым настоящим геноцидом, когда уничтожалась самая работоспособная, самая активная, самая талантливая, самая порядочная часть населения. А в остальных вгонялся страх, генетически передающийся из поколения в поколение, парализующий гражданские чувства, калечащий психику, мораль, интеллект [39, с. 82].

В.С. Измозик, например, считает, что суть репрессий – результат действия ряда факторов, главный из которых – выбранный вариант форсированной модернизации страны. При подобном подходе система, в рамках которой проводилась эта модернизация, не могла существовать без репрессий, а сами репрессии понимаются автором как путь экономической и социальной модернизации государства [40, с. 137].

А.Н. Яковлев приходит к однозначному заключению, что «репрессий просто не могло не быть. И дело тут не только в Ленине и Сталине, хотя их личная ответственность за десятки миллионов невинно погибших жизней очевидна. Суть, конечно, в системе большевизма, которую они создали. В системе, основанной на идеологии насилия» [41, с. 49].

В целом, подводя итог, можно сказать, что для советской историографии характерна односторонность не только в освещении фактов и оценок, но и в умолчании целого ряда явлений и сторон репрессивной политики. Характерно, что те качества, которые снижают научную ценность советского историографического наследия, одновременно наделяют его свойствами источника, отразившего официальную политику и действия власти. Но только с началом политики «перестройки» во второй половине 1980-х гг. проблема репрессивной политики периода сталинизма стала самостоятельным предметом исторических исследований.

Библиографический список

1. Папков, С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941 / С.А. Папков. – Новосибирск, 1997.
2. Дмитриев, А.В. Насилие: социополитический анализ / А.В. Дмитриев, И.Ю. Залысин. – М., 2000.
3. О реабилитации жертв политических репрессий : Закон РФ от 18 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – №44.
4. Горшенин, К. Указ в действии / К. Горшенин // Правда. – 1940. – 26 июля.
5. Рубинштейн, Н.Л. Русская историография / Н.Л. Рубинштейн. – М., 1941.
6. История ВКП (б). Краткий курс. – М., 1946.
7. Герасименко, Г.А. О взаимоотношении тоталитаризма и исторической науки в СССР / Г.А. Герасименко // Россия в XX веке: Историки мира спорят / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1994.
8. Бухарин, Н.И. Теория пролетарской диктатуры / Н.И. Бухарин // Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1988.
9. Бухарин, Н.И. Экономика переходного периода / Н.И. Бухарин // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. – М., 1989.
10. Троцкий, Л.Д. Преступления Сталина / Л.Д. Троцкий. – М., 1994.
11. Правда. – 1953. – 26 июля.
12. О культуре личности и его последствиях // Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов / под ред. А.Н. Яковлева. – М., 1991.
13. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. – М., 1998.
14. Солженицын, А.И. Один день Ивана Денисовича / А.И. Солженицын // Новый мир. – 1962. – №11.
15. Нечкина, М.В. О периодизации истории советской исторической науки / М.В. Нечкина // История СССР. – 1960. – №1.
16. Сидорова, Л.А. Оттепель в советской исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия / Л.А. Сидорова. – М., 1997.
17. Борисов, Ю.С. Состояние и некоторые задачи изучения истории социалистического и коммунистического строительства (в связи с выступлением на научной сессии) / Ю.С. Борисов // Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР / под ред. М.П. Кима, Ю.С. Борисова. – М., 1962.
18. Ким, М.П. О состоянии разработки истории социалистического и коммунистического строительства и задачах советской исторической науки / М.П. Ким // Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР : сб. ст. – М., 1962.
19. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт. – М., 1996.
20. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм / Р. Арон. – М., 1993.
21. Хайек, Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек // Вопросы философии. – 1990. – №10–11.
22. Sheapiro, L. The Communist Party of the Soviet Union / L. Sheapiro. – L., 1962.
23. Friedrich, C.J. Totalitarian Dictatorship and Autocracy / C.J. Friedrich, Z. Brzezinski. – N.Y., 1967.
24. Бжезинский, З. Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке / З. Бжезинский. – N.Y., 1989.
25. Конквест, Р. Большой террор / Р. Конквест. – Рига, 1991.
26. Йонг, Л. де. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне / Л. де Йонг. – М., 1958.
27. История Коммунистической партии Советского Союза. – Т. 4. – Кн. 1 / под ред. Д.М. Кукина, Н.Д. Назаренко. – М., 1970.
28. История Коммунистической партии Советского Союза. – Т. 5. – Кн. 1. – М., 1970.
29. История Коммунистической партии Советского Союза. – Т. 4. – Кн. 2. – М., 1971.
30. Коммунист. – 1962. – № 2.
31. Трапезников, С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2: Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана / С.П. Трапезников. – М., 1974.
32. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования : в 3 т. / А.И. Солженицын. – М., 1989.
33. Домбровский, Ю. Хранитель древностей / Ю. Домбровский // Новый мир. – 1964. – №11.
34. Горбачев, М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М.С. Горбачев. – М., 1988.
35. Волгогонов, Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина / Д.А. Волгогонов. – Барнаул, 1990. – Кн. 1.
36. Гордон, Л.А. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. – М., 1989.
37. Лацис, О.Р. Перелом: опыт прочтения несекретных документов / О.Р. Лацис. – М., 1990.
38. Ципко, А.С. Истоки сталинизма / А.С. Ципко // Наука и жизнь. – 1988. – №12.
39. Бестужев-Лада, И.В. Аморальность и антинародность «политической доктрины» сталинизма / И.В. Бестужев-Лада // История СССР. – 1989. – №5.
40. Измозик, В.С. Глаза и уши режима (государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1926 гг.) / В.С. Измозик. – СПб., 1995.
41. Яковлев, А.Н. По мощам и елей / А.Н. Яковлев. – М., 1995.